

Швец Сергей Владимирович

кандидат юридических наук, профессор кафедры
уголовного права, процесса и криминалистики
Института экономики, права
и гуманитарных специальностей
тел.: (861) 231-48-45

**НРАВСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ДОПРОСА С УЧАСТИЕМ
ПЕРЕВОДЧИКА**

Аннотация:

В статье рассматриваются морально-этические проблемы допроса с участием переводчика, даются рекомендации по изменению законодательства для их разрешения.

Ключевые слова:

уголовный процесс, допрос, участие переводчика, процессуальные права, этика и мораль.

Shvets Sergey Vladimirovich

Candidate of Law, professor of the chair of
criminal law, procedure and criminalistics,
Institute of Economics,
Law and Humanitarian specialties
tel.: (861) 231-48-45

**MORAL FEATURES OF INTERROGATION
WITH PARTICIPATION OF
TRANSLATOR**

The summary:

The article deals with the moral and ethical problems of interrogation with participation of translator, the recommendations for changing legislation to resolve them are given.

Keywords:

legal procedure, interrogation, participation of translator, procedural rights, ethics and moral.

Начало научной разработки проблематики, связанной с нравственными проблемами уголовного судопроизводства, восходит к деятельности известного юриста А.Ф. Кони. В 1902 г. в «Журнале министерства юстиции» была опубликована его лекция «Нравственные начала в уголовном процессе» с подзаголовком «Общие черты судебной этики» [1, с. 18].

Одним из направлений судебной этики является этика уголовно-процессуального доказывания. Уголовно-процессуальное доказывание лежит в основе расследования уголовных дел и представляет собой регулируемую законом деятельность, состоящую в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу [2, с. 243].

В качестве предмета этики уголовно-процессуального доказывания выступают явления, действия и закономерности нравственного характера, связанные с процессом доказывания по уголовному делу. Уголовно-процессуальные этические принципы имеют свое конкретное воплощение в правовых нормах, закрепленных гл. 2 УПК РФ. К ним, в частности, относятся: соблюдение законности при производстве по уголовному делу (ст. 7 УПК РФ), уважение чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ), неприкосновенность личности (ст. 10 УПК РФ), охрана прав и свобод человека (ст. 11 УПК РФ), неприкосновенность жилища (ст. 12 УПК РФ), тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 13 УПК РФ), презумпция невиновности (ст. 14 УПК РФ), состязательность сторон (ст. 15 УПК РФ), обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту (ст. 16 УПК РФ), право на использование родного языка (ст. 18 УПК РФ),

Уголовно-процессуальное законодательство подробно регламентирует порядок производства допроса на предварительном следствии. В то же время Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации содержит и процессуальные нормы, представляющие собой выражение нравственных норм, по охране прав и законных интересов допрашиваемых.

К подобным уголовно-процессуальным нормам относятся: право свидетеля не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (супруги) и других близких родственников, круг которых определен федеральным законодательством (ч. 1 п. 4 ст. 56 УПК РФ); запрет на производство следственных действий в ночное время за исключением случаев, не терпящих отлагательства (ч. 3 ст. 164 УПК РФ); запрет на применение при производстве следственных действий насилия, угроз и иных незаконных мер, а равно создание опасности для жизни и здоровья участвующих в них лиц (ч. 4 ст. 164 УПК РФ); запрет на непрерывную продолжительность допроса более 4-х часов (ч. 2 ст. 187 УПК РФ) и более 8 часов в сутки (ч. 3 ст. 187 УПК РФ); допущение возможности продолжения допроса только после перерыва не менее чем на один час для отдыха и принятия пищи; (ч. 3 ст. 187 УПК РФ); установление продолжительности допроса при наличии медицинских показаний только на основании заключения врача (ч. 4 ст. 187 УПК РФ); Запрет на постановку следователем наводящих вопросов (ч. 2 ст. 189 УПК РФ).

Нравственные аспекты уголовно-процессуальной деятельности проявляются в той совокупности приемов и операций, которые выбирает следователь в целях обнаружения, закрепления и проверки доказательств при осуществлении процессуальных действий. Проблеме нравственной оценки действий следователя при его взаимоотношении с допрашиваемым лицом посвящено значительное количество научных работ как советских, так и российских авторов. Однако вопросы взаимодействия следователя с переводчиком при осуществлении допроса до настоящего времени остаются не разработанными.

На наш взгляд, основная морально-этическая проблема взаимоотношения следователя и привлеченного им в соответствии со ст. 169 УПК РФ для допроса переводчика может быть сформулирована следующим образом: возможно ли следователю использовать переводчика для достижения тактических целей допроса? Говоря иными словами, должен ли следователь относиться к переводчику как к «переводческой машине», либо следователь должен превратить переводчика в своего союзника? Данный вопрос не является праздным, поскольку тактические цели допроса достигаются следователем путем реализации тактических приемов, но в условиях допроса с участием переводчика возможность применения следователем тактических приемов, связанных с речевым воздействием (а следовательно, и с эмоционально-психологическим воздействием) оказывается значительно сниженной.

Для ответа на этот вопрос обратимся к действующему законодательству. Непосредственное участие переводчика при производстве следственных действий в Российском уголовно-процессуальном законодательстве регулируется четырьмя статьями.

В соответствии со ст. 169 УПК РФ в случаях, если участник уголовного-судопроизводства не владеет или недостаточно владеет языком, на котором ведется производство по уголовному делу, следователь привлекает к участию в следственном действии переводчика. Перед началом следственного действия, в котором участвует переводчик, следователь удостоверяется в его компетентности и разъясняет переводчику его права и ответственность. Аналогичная норма содержится в ч. 5 ст. 164 УПК РФ, согласно которой следователь, привлекая к участию в следственных действиях переводчика, удостоверяется в его личности, разъясняет ему его права и ответственность, а также порядок производства соответствующего следственного действия. Переводчик также предупреждается об ответственности, предусмотренной статьей 307 Уголовного кодекса Российской Федерации за заведомо неправильный перевод.

Права и ответственность переводчика указаны в ст. 59 УПК РФ. Ответственность переводчика, предусмотренная данной статьей (ч. 5), изложена следующим образом: «За заведомо неправильный перевод и разглашение данных предварительного расследования переводчик несет ответственность в соответствии со статьями 307 и 310 Уголовного кодекса Российской Федерации», то есть переводчик несет ответственность за заведомо неправильный перевод и за разглашение данных предварительного расследования.

Кроме этого, в соответствии с ч. 4 ст. 59 УПК РФ переводчик не вправе: осуществлять заведомо неправильный перевод; разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с участием в производстве по уголовному делу в качестве переводчика, если он был об этом заранее предупрежден в установленном порядке; уклоняться от явки по вызовам дознавателя, следователя или в суд.

Переводчику также может быть заявлен отвод в соответствии со ст. 69 УПК РФ. Как видим, прямого запрета на то, что следователь не может использовать переводчика для достижения тактических целей допроса, уголовно-процессуальное законодательство не содержит, следовательно, вопрос о переводчике как союзнике следователя должен быть перенесен в морально-этическую плоскость.

Так в какой же степени переводчик может оказывать содействие следователю? Некоторые авторы, ссылаясь на то, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации относит переводчика к иным участникам уголовного-судопроизводства (гл. 8 УПК РФ), полагают, что этого достаточно, чтобы завершить научные дискуссии о том, является ли переводчик лицом, оказывающим помощь органам следствия и суда [3, с. 35].

На наш взгляд, отнесение переводчика к иным участникам судопроизводства совсем не означает, что переводчик не может оказывать содействие правоохранительным органам.

В качестве подтверждения данного тезиса можно сослаться по аналогии на правовой статус другого «иного участника уголовного судопроизводства»: эксперта.

Эксперт – это лицо, так же как и переводчик, обладающее специальными знаниями. В соответствии со ст. 7 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (№ 73-ФЗ от 31 мая 2001 г.) эксперт при производстве судебной экспертизы независим. Однако понятие независимости эксперта не противоречит задаче государственной судебной экспертной деятельности (ст. 2 названного Закона), которая понимается

как оказание содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла. В указанный перечень субъектов правоприменительной деятельности входят только сторона обвинения и суда. Указание на оказание содействия для стороны защиты данная статья не содержит. Более того, ст. 41 Закона о государственной судебной экспертной деятельности распространяет действие ст. 2 названного Закона и на судебно-экспертную деятельность лиц, не являющихся государственными судебными экспертами.

Есть ли противоречие между независимостью эксперта и требованием оказания содействия стороне обвинения и суда? Мы считаем, что нет, поскольку содействие – это не дача заведомо ложного заключения. Содействие – это оказание консультаций: какие вопросы можно поставить на разрешение эксперту, как правильно сформулировать вопросы, как правильно отобрать образцы и т.д., то есть содействие эксперта – это деятельность по обеспечению получения максимально возможного количества информации при исследовании вещественного доказательства.

Рассуждая аналогичным образом, можно сказать, что содействие переводчика следователю при проведении допроса должно заключаться в деятельности по обеспечению получения максимального возможного количества информации от допрашиваемого лица.

Следующий комплекс морально-этических проблем при проведении допроса с участием переводчика проистекает из права подозреваемого (п. 3 ч. 4 ст. 46 УПК РФ) и обвиняемого (п. 9 ч. 4 ст. 47 УПК РФ) иметь свидание с защитником наедине и конфиденциально до первого допроса. Если время свидания подозреваемого с защитником свыше 2 часов может быть ограничено дознавателем или следователем с обязательным уведомлением об этом подозреваемого и его защитника (ч. 4 ст. 92 УПК РФ), то обвиняемый может иметь свидания с защитником без ограничения их числа и продолжительности (п. 9 ч. 4 ст. 47 УПК РФ).

К сожалению, в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации отсутствует процедура, регулирующая участие переводчика при свидании обвиняемого (подозреваемого) и защитника.

По смыслу ч. 2 ст. 18 УПК РФ («Язык уголовного судопроизводства») участникам уголовного судопроизводства, не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведется производство по уголовному делу, должно быть обеспечено право делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами уголовного дела, выступать в суде на родном языке или другом языке, которым они владеют, то есть указанным лицам обеспечивается право пользоваться родным языком при производстве процессуальных действий. Обязанность обеспечения данного права ложится на субъект правоприменительной деятельности. Само свидание обвиняемого (подозреваемого) с защитником процессуальным действием не является, поэтому формально следователь не должен обеспечивать обвиняемому (подозреваемому) переводчика для свидания с адвокатом.

В научной литературе высказывалось мнение, что обеспечение лица, не владеющего или недостаточно владеющего языком судопроизводства, переводчиком во время свидания наедине с защитником должно оформляться соответствующим постановлением. Такой документ должен выступать основанием для участия переводчика в деле, способствовать ответственности защитника за правильное использование помощи переводчика и одновременно служить основанием для оплаты его труда [4, с. 170].

На наш взгляд, указанное предложение не может рассматриваться как окончательное решение проблемы обеспечения перевода при свидании защитника с обвиняемым (подозреваемым) и вот почему.

Обеспечивая возможность коммуникации защитника и его доверителя, переводчик становится носителем конфиденциальной информации: адвокатской тайны. Но правовые отношения переводчика к данной конфиденциальной информации процессуальным законодательством никак не урегулированы.

Действительно, по смыслу статьи 56 УПК РФ (Свидетель) переводчик, оказывавший переводческие услуги при свидании защитника и его доверителя, может быть допрошен как свидетель, поскольку ему известны обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела. Формальных препятствий к этому в уголовно-процессуальном законодательстве не имеется. Невозможность допроса переводчика как свидетеля определяется только морально-этическими соображениями, поскольку в этом случае нарушается право обвиняемого (подозреваемого) на защиту, а переводчик будет поставлен перед выбором: нести уголовную ответственность за отказ от дачи показаний в соответствии со ст. 307 УК РФ или нару-

шить принципы профессиональной этики переводчика, обязывающие его сохранять конфиденциальность по отношению переводимого материала.

Поэтому мы считаем, что ч. 3 ст. 56 УПК РФ (Свидетель) должна быть дополнена пунктом, запрещающим допрос в качестве свидетеля переводчика, осуществлявшего перевод на свидании защитника и его доверителя, по вопросам, связанным с оказанием юридической помощи защитника своему доверителю.

Кроме этого, уголовно-процессуальным законодательством также не регулируется ситуация, связанная с возможностью привлечения в качестве переводчика к участию в следственных действиях лица, ранее осуществлявшего перевод на свидании защитника и его доверителя, в рамках одного и того же уголовного дела.

Действительно, осуществляя перевод на свидании защитника и его доверителя, переводчик становится обладателем конфиденциальной информации, связанной с событием преступления и определяющей линию защиты доверителя.

Если после этого данное лицо будет привлечено для участия в допросе в качестве переводчика, то у него возникнет морально-этическая дилемма. С одной стороны, переводчик знает о событии преступления, о виновности допрашиваемого лица, о других обстоятельствах, связанных с предметом доказывания, с другой стороны, переводчик будет переводить показания обвиняемого (подозреваемого), не соответствующие действительности, то есть переводить ложные показания, тем самым вводя следователя в заблуждение. И если для обвиняемого (подозреваемого) ложь – это способ защиты, то для переводчика перевод лжи в рамках допроса – это моральное оправдание совершенного преступления.

Поэтому, мы считаем, что ст. 69 УПК РФ должна быть дополнена следующим положением:

«Преыдущее участие лица в качестве переводчика на свидании защитника и его доверителя является основанием для его отвода для дальнейшего участия в качестве переводчика по данному уголовному делу».

Здесь мы полностью согласны с мнением Г.В. Абшилава о том, что право обвиняемого (подозреваемого) и защитника иметь переводчика во время свидания наедине до начала допроса подзащитного должно быть четко и однозначно закреплено в УПК РФ [5, с. 105].

В настоящее время Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации предусмотрена процессуальная фигура переводчика, которая, по мнению законодателя, должна обеспечивать перевод для всех сторон по уголовному делу: и для стороны обвинения и для стороны защиты. Но поскольку процессуальные интересы указанных сторон разные, то участие переводчика при взаимоотношении этих сторон неизбежно будет порождать для него морально-этические проблемы, часть из которых нами была рассмотрена.

Чтобы избежать указанных нравственных проблем участия переводчика в следственных действиях (в том числе и при допросе) мы считаем необходимым введение в уголовный процесс такого понятия, как «переводчик адвоката».

Ссылки:

1. Кобликов А.С. Юридическая этика: учебник для вузов. М., 1999.
2. Уголовно-процессуальное право РФ: учебник для вузов / под. ред. П.А. Лупинской. М., 2003.
3. Абшилава Г.В. Процессуально-правовые и гуманитарные проблемы участия переводчика в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.
4. Щерба С.П. Теоретические основы и особенности уголовного судопроизводства по делам лиц, страдающих физическими или психическими недостатками: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1990.
5. Там же.

References (transliterated):

1. Koblikov A.S. Yuridicheskaya etika: textbook for universities. M., 1999.
2. Uголовno-protsessual'noe pravo RF: textbook for universities / ed. by P.A. Lupinskaya. M., 2003.
3. Abshilava G.V. Protsessual'no-pravovoye i gumanitarnye problemy uchastiya perevodchika v ugovnom sudoproizvodstve Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2005.
4. Shcherba S.P. Teoreticheskie osnovy i osobennosti ugovnogo sudoproizvodstva po delam lits, stradayushchikh fizicheskimi ili psikhicheskimi nedostatkami: dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 1990.
5. Ibid.